

УДК 94

ПЕРЕСТРОЙКА СЕМЕЙНОГО УКЛАДА В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 20-30-Е ГГ. XX В. В ОТРАЖЕНИИ НАРОДНЫХ ЧАСТУШЕК

ШАПОВАЛОВА Светлана Петровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

АННОТАЦИЯ. Народные частушки в качестве исторического источника используются довольно редко и фрагментарно, для иллюстрации какого-либо сюжета. Краткая форма данного фольклорного жанра с ироническим уклоном не вызывает особого интереса у историков. Но при социопсихологическом подходе анализ частушек позволяет подтвердить или опровергнуть общепринятые исторические концепции. Это хорошо заметно применительно к исследованиям семейного уклада в советской деревне 20-30-х гг. XX в. В своей содержательной сути частушки помогают акцентировать внимание на эволюционных процессах ментального характера, подчеркивая специфику конкретной исторической эпохи. В частности, в них прослеживается перестройка семейного уклада под влиянием революционных преобразований советской власти. Краткость, ироничность, социальная направленность делают частушки, по сути, временными слепками социальных представлений крестьян на различные стороны деревенской жизни. Частушки, как социальное явление, весьма политизированы и отражают настроения различных политических слоев русской деревни первых десятилетий советской власти. Всё это делает их ценным источником при анализе социальной психологии советского крестьянства. При этом оттеняются те психологические моменты эволюционного характера переходных эпох, которые весьма редко можно встретить в других источниках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фольклор, частушки, советская деревня, крестьянство, семейный уклад, большевики, социальная психология.

FAMILY DECLARATION RESTRUCTURING IN THE SOVIET VILLAGE IN THE 20s – 30s OF THE XX CENTURY IN REFLECTION OF FOLK DITTIES

SHAPOVALOVA S. P.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of Russian History and Documentation Studies,
Belgorod State National Research University

ABSTRACT. Folk ditties as a historical source are used rather rarely and fragmentarily, emphasizing some plot illustration. The short form of this folklore genre with an ironic slant does not cause much interest among historians. But with a sociopsychological approach, the analysis of ditties allows to confirm or refute the generally accepted historical concepts. This is clearly noticeable in relation to research on the family structure in the Soviet countryside of the 1920s – 1930s. of the XX century. In their substantive essence, folk ditties help to focus attention on the evolutionary processes of a mental nature, emphasizing the specifics of a particular historical epoch. In particular, they can be traced to the reforming of the family structure under the influence of the revolutionary transformations of Soviet power. Brevity, irony, social orientation make folk ditties, in fact, temporary casts of the social perceptions of the peasants on various aspects of rural life. Folk ditties, as a social phenomenon, are highly politicized and reflect the moods of various political strata of the Russian countryside in the first decades of Soviet power. All this makes them a valuable source in the analysis of the social psychology of the Soviet peasantry. At the same time, those psychological moments of the evolutionary nature of transitional eras are set off, which you rarely find in other sources.

KEY WORDS: folklore, ditties, Soviet village, peasantry, family structure, Bolsheviks, social psychology.

Семейно-бытовые отношения всегда опосредованы процессами социально-экономического, политического, демографического, культурного характера. Влияние таких процессов в разные исторические периоды было различным. Повседневный уклад очень медленно поддается трансформации.

Но начавшиеся после Октября 1917 г. аграрные и социальные преобразования с первых декретов советской власти (о земле, о юридическом равноправии мужчин и женщин), затем законов о браке, об охране материнства и младенчества за короткое время изменили и традиционный уклад советской деревни и роль женщины в семье и в общественном производстве. Об этих процессах написано довольно много [1; 2; 3; 4]. Нужно отметить, что исследова-

тели при рассмотрении вопросов, связанных с социальной историей, практически игнорируют фольклорные источники, к которым относятся пословицы, поговорки, песни, сказки, анекдоты и особенно частушки, которые весьма информативны и ценны для иллюстрации повседневности.

С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» дает следующее определение частушке: «Частушка. Народная песенка – четверостишие или двустишие лирического, злободневного, задорно-шутливого содержания» [5, с. 875]. Возникновение частушки исследователи относят ко второй половине XIX века. Хотя корни ее более древние. Впервые термин «частушка» употребил в очерке «Новые народные песни» известный русский писатель и публицист XIX в. Г. Успенский, указавший, что в народе активно стала использоваться короткая припевка, «народные стишки», называемые в разных местах по-разному [6, с. 186]. Частушка вобрала в себя

© Шаповалова С.П., 2019

Информация для связи с авторами: Shapovalova_S@bsu.edu.ru

элементы более ранних форм фольклора (сказок, загадок, пословиц, поговорок). Исследования фольклористов (акад. А.И. Соболевский, проф. Д.К. Зеленин, Е.Н. Еленовская и др.) позволяют сделать вывод о том, что истоки происхождения частушки (коротушки, матани, припевки, барыни и т.д.) связаны с традиционным творчеством деревни. Частушка имела множество разновидностей (собственно частушки, плясовые, «страдания», «Семеновна» и др.), исполняемых по-своему в пределах одного района и даже села [7, с. 63; 8, с. 130].

На наш взгляд, В.И. Чичеров приводит наиболее ёмкое определение частушки: «Частушка – это короткая, обычно четырехстрочная, реже двустрочная или шестистрочная песенка, в которой запечатлен какой-нибудь один момент жизни или переживаний человека. Многие частушки, как правильно указывали исследователи, напоминают по своим особенностям моментальный снимок с яркой, типичной жизненной картины» [9, с. 435]. Вначале частушка обозначала «частые» от глагола «частить», то есть перебирать каблуками во время танца, словом – способность во время пения быстро отвечать на частушку соперницы. Сопровождалось пение частушки гармонью, ложками, балалайкой. Частушка – лирический жанр, представляющий эмоциональный отклик, чувственное переживание на затронувшее человека событие. Это – лирическая миниатюра, откликавшаяся на все стороны жизни человека [6, с. 186]. Со временем она стала наполняться общественно значимым содержанием. Особую популярность в деревенской среде частушка получила в последней четверти XIX в., когда особенно четко стали проявляться социально-политические и социально-психологические изменения, происходящие в обществе под влиянием реформ 1860-1870-х гг. Однако частушки данного периода, отзываясь на новые общественные вызовы, еще не имели того политического подтекста, который особенно остро проявился после Октябрьских событий 1917 г. Частушка с ее кратким смыслом и ритмичностью стала удобной формой, откликающейся на все разнообразие общественной и личной жизни.

Таким образом, частушка, по сути, является социопсихологическим слепком народных воззрений на то или иное социально-политическое явление. Четкость сформулированной в частушках народной мудрости, отражающей реальную действительность, позволяет их считать историческими источниками. Тем не менее частушки практически не использовались и не используются исследователями в качестве исторического источника. Редкое исключение – это предисловия или вводные статьи к сборникам народных частушек, где указывается их важность для понимания тех или иных исторических событий [10, с. 3-16; 11, с. 5-28].

В настоящей статье рассматриваются частушки, в которых наиболее отчетливо отразились изменения, происшедшие в семейно-бытовом укладе советской деревни в 20-30-х гг. XX в. Автором будут проанализированы частушки, разрешенные советской цензурой и реально отражавшие настроения пробольшевистской части российской деревни.

В рассматриваемый период, особенно среди сельской молодежи, просветская идеология прочно укоренилась в сознании. Хотя, естественно, существует целый пласт частушек антикоммунистической направленности (не все население приняло советскую власть и поддерживало ее начинания), но для раскрытия заявленной темы они не информативны.

Частушки данного содержания отражают только негатив к власти большевиков, к коммунистам, к отдельным историческим личностям, в частности, к революционным вождям, но в них нет как раз той информации, которая необходима для раскрытия темы.

Рассмотрим, как происходила трансформация семейно-бытовых отношений в деревенской среде под влиянием революционных преобразований и как эти события отражались в народном фольклоре, в частности, в частушках. Самые первые гражданско-бытовые изменения были связаны с формой заключения брака. Декрет ВЦИК от 18 декабря 1917 г. утвердил гражданский брак, который должен был прийти на смену «вечальному» [12]. Если в городской среде эта форма прижилась достаточно быстро, и российский социолог в области семьи С.И. Голод называл это время сексуальной революцией 1920-х гг., то в деревне этот процесс растянулся. Признаки разложения традиционных элементов брачного поведения у сельской молодежи проявлялись в неповиновении диктату родителей в вопросах брака. В 1920-е гг. получили распространение браки «самокруткой» (или «самоходкой»). Так назывались браки молодых, заключенные без родительского благословения [4, с. 63]. В народном творчестве эти перемены нашли отражение в текстах следующих частушек:

Теперь новые права –
В церкви не венчаться.
В сельсовете за столом
Только расписаться.
Все цветочки расцвели,
Ягодки поспели.
Пойдем с дружочком в сельсовет
На этой неделе [10, с. 239].

Интересно, что до создания коллективных хозяйств «расписаться по-новому» можно было у представителя власти, например, у комиссара:

Не пойдем во храм венчаться
С милым ласковым дружком,
А поедем к комиссару,
Там запишемся вдвоем [10, с. 238].

Замена церковного брака гражданской записью регистрации приживалась достаточно долго. Только к началу 1930-х гг. церковное венчание стало заметно уступать регистрации браков в сельсоветах [1, с. 437]. Одну из причин медленного внедрения новой обрядности красноречиво объяснил в журнале «Антирелигиозник» крестьянин Минаков из с. Красный Яр Самарской губернии: «Вы боретесь за новый быт, говорите, что не нужно венчаться в церкви... Мы бы и не устраивали ничего, а чем вы замените церковную торжественность? – Нечем ведь» [2, с. 397]. Не случайно автор данной статьи – мужчина. За критикой «неторжественной» церемонии регистрации брака имеется глубокий подтекст – нежелание менять старые патриархальные отношения в семье, где женщине отводилась второстепенная роль. Венчание в церкви и дальше бы закрепляло такое подчиненное положение крестьянки в семье. Но за годы советской власти многие женщины осознали и прочувствовали перемены, внесенные первыми декретами в семейные отношения. И эта тема нашла свое отражение в следующей частушке:

Мое сердце приуныло,
С милым я рассталася:
В церковь звал меня венчаться,
А я отказалась [10, с. 239].

Таким образом, налицо уже начавшиеся изменения в психологии крестьянки, которая готова к принятию нового социального статуса и не желает возвращаться в прошлое. Девушка якобы отказывается любимому только потому, что он хочет венчаться в церкви, а она – нет.

Новые тенденции появляются и в праздновании самой свадьбы. Здесь просматривается конфликт родителей и дочерей. Старшее поколение держится за традиционный обряд, а молодые всячески поддерживают новые формы, например, отмечать данное событие в клубе:

Мать венчать меня хотела

По старинке – кольцами.

По-другому вышло дело –

В клубе с комсомольцами [10, с. 240].

Причем за игривой рифмой четко прослеживается и экономический подтекст – сыграть «свадьбу в клубе с комсомольцами» значительно дешевле, чем обряд традиционный, а значит девушка может выдать жениха и «без оглядки» на родительское мнение. Следовательно, изменения затронули и социальные приоритеты в выборе жениха. Если в до-советское время лучшей партией для девушки был парень богатый, из крепкой семьи, то в новых условиях такой вариант становится неприемлемым, так как это – классовый враг (кулак, лишенец – лишенный голоса):

Предложил мне Ванька брак,

Отказала Ване я.

Ванькин тятка есть кулак –

Не нашего звания.

Не ходи, ты милый, жать,

Не рви рожь по колосу;

Не пойду с тобой гулять,

Ты лишенный голоса [10, с. 240].

На конец 1920-х – начало 1930-х гг. пришлось окончательный удар по кулакам. В конце 1928 г. было запрещено принимать кулаков в колхозы, а в 1929 г. началась конфискация их имущества и выселения [13, с. 352]. Как следствие, в советской деревне лучшими женихами становятся «новые хозяева жизни» – комсомольцы и коммунисты:

Хорошо тебе, калина,

На тебе широкий лист.

Хорошо тебе, подружка,

Тебя любит коммунист [10, с. 241].

Как красиво расцвела

В огороде ивушка.

У меня, у девушки,

Комсомолец милушка [10, с. 242].

Объяснение этому тоже находим в частушках. Коммунист – «просвещает мужиков». Комсомолец – «самогонку не пьет», «в карты не играет», «книжки читает». А самое главное – они власть:

Мой залетка-комсомол

В сельсовете за столом,

Перед ним бумаги много

И чернильница с пером [10, с. 243].

Претерпевает изменение не только мотивация в отношении будущего мужа, но и отношение к самому институту брака. В 1930-е гг. советские женщины эффективно использовали равноправие для резкого повышения своего социального престижа. Колхозы и совхозы дали женщинам самостоятельный заработок. Тем самым их вклад в благосостояние семьи, ранее скрытый, стал наглядным и не зависящим от произвола старшего в доме.

Расширение возможностей, открывшихся перед женщиной, способствовало формированию новых

качеств в ее характере. Это и повышенное чувство ответственности за вверенное дело, и стремление к самостоятельности в работе, и желание освободиться от всякой снисходительности, и чувство собственного достоинства, и стремление к общественному продвижению [2, с. 422]. Новым явлением становится работа женщин сельскими корреспондентами:

Задушевная товарка,

Мы ударницы с тобой.

Мы запишемся в сельсокры,

Дадим лодырям отбой [10, с. 262].

Так, в статье «Работаю не хуже мужчины» ударница Шопинского колхоза Белгородского уезда ЦЧО «Пламя Сталина» П.Ф. Калиниченко писала: «...Теперь я на руководящей работе. Только советская власть освободила женщину и выдвинула ее на руководящую работу наравне с мужчиной» [14]. Много частушек развивают данную тему:

Ваши девки на сто верст

Умными считаются,

А у нас на высший пост

Девки назначаются.

Раньше только я и знала,

Что у печки с помелом,

А теперь я в сельсовете –

Управляю всем селом [10, с. 254].

Несмотря на глобальные изменения в общественной жизни, женщина, как и раньше, оставалась «хранительницей домашнего очага», на ней лежали обязанности по обслуживанию семьи. Ментальный традиционализм в этом плане медленно менялся. В 1930-е гг. было объявлено о начале культпохода. Это движение имело широкий отклик. В статье «Поход за культурный быт колхозницы и ее семьи» намечались следующие мероприятия: провести работу по улучшению санитарного состояния каждой избы колхозника, добиться удаления из хат молодняка (скота), истребить тараканов, клопов, провести конкурс на лучший красный уголок и опрятную хату и т.д. [15]. В этом же номере находим и ответ на данный вызов от «ударниц имени 17 партсъезда». Они предлагают «...объявить беспощадную войну антисанитарии в колхозной хате; провести конкурс на опрятную хату и двор колхозницы...» [15]. Таким образом, проблема гигиены жилища стояла очень остро, поэтому государство стремилось ее решить в рамках движения за благоустройство сел и деревень. Не осталось в стороне от этих мероприятий и народное творчество. Частушка быстро откликнулась на призывы к культурной жизни:

Мы в газете прочитали –

Будет зимний культпоход.

Избы чистенько убрали –

Пусть комиссия идет [10, с. 263].

И материалы газет, и фольклорные источники демонстрируют тенденцию к улучшению бытовых условий. В первые десятилетия советской власти происходили большие изменения в сельском жилище. Революция и войны значительно помешали стабилизации бытового уклада жизни. Жилищные условия крестьян постепенно улучшались лишь после окончания гражданской войны и перевода экономики страны на хозяйственное строительство. Национализация земли, участвовавшие семейные разделы, расширение свободы экономической деятельности крестьян в период нэпа стимулировали сельское жилищное строительство.

В 1920-е гг. происходило быстрое обновление жилого фонда без значительных изменений качества жилых построек [1, с. 286]. Веяние городской

моды проявлялось во внутреннем убранстве сельских комнат. Входили в быт занавески на окнах, стены украшали фотографиями. В зажиточных домах появляются обои на стенах. В 1930-е гг. в экономически крепких колхозах в жилых комнатах появляются городские предметы домашнего обихода: мебель, фабричная посуда, патефоны, швейные машины, фотографии, почетные грамоты на стенах.

В крупных селениях близости от фабрично-заводских центров проводят радио. В деревнях поначалу подозрительно его встречали. Многие селяне не верили, что по «воздуху» можно говорить и посылать ходяков на радиостанции – «Пусть скажет нам свой человек. Услышим его голос, тогда поверим, что через воздух можно передавать» [16, с. 94]. Это изобретение не раз было воспето в частушках:

Вся деревня ожила –
Сто радиоточек.
Говорит Москва родная
С нами дни и ночи.
Всем старухам на диво
У нас в колхозе радио.
Говорит без языка
Голосом большевика [10, с. 272].

Крупным достижением была частичная электрификация сел, вслед за этим в деревнях появляется кино и телефон. Все эти технические новинки не раз перепевались в частушках:

Из колодца вода льется,
Подает ее насос.
Электричество и радио
Имеет наш колхоз [10, с. 271].
На дороге стоит столб,
На столбе афишка.

Скоро, скоро к нам приедет
Кинопередвижка [10, с. 272].

Я пойду потелефону
В Ильичевский сельсовет:
Поскорее я узнаю –

Милка дома или нет [10, с. 273].

Таким образом, в 20-30-е гг. XX в., произошла кардинальная перестройка семейно-бытового уклада советской деревни. Старая патриархальная семья рушилась, ей на смену приходила малая семья. В этих семьях устанавливался новый порядок взаимоотношений: родители теряли власть над детьми (особенно в выборе жениха или невесты для них), женщина использовала права, данные советской властью, легче шла на развод, больше времени уделяла общественной работе. Менялась сама деревня, в ней появлялись клубы, красные уголки, драмкружки, избы-читальни. В деревни и села проводилось радио, электричество, приезжали кинопередвижки. Все эти изменения в бытовом укладе советской жизни находили отражение в народном фольклоре, в частности, в частушках.

Естественно, ни один исторический источник не может быть универсальным, так и частушка с характерным для нее бравурным оптимизмом изображает жизнь советской деревни в ярких положительных красках, что, по сути, не совсем соответствовало действительности. Поэтому использовать частушку как исторический источник необходимо в комплексе с другими. Без этого невозможно получение объективных знаний об исторических реалиях 1920-1930-х гг. Тем не менее частушка являлась выразителем определенных настроений, отражавших социально-политические взгляды широких кругов советского крестьянства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Русские [Текст] / ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 1999. – 828 с.
2. Советская культура в реконструктивный период 1928-1941 [Текст] / ред. Ю.С. Борисова. – М.: Наука, 1988. – 608 с.
3. Данилов, В.П. История крестьянства России в XX в. Избранные труды: в 2-х ч. [Текст] / В.П. Данилов. – М.: РОССПЭН, 2011. – Ч. 1. – 863 с.
4. Вербицкая, О.М. Российская сельская семья в 1897-1959 гг. [Текст] / О.М. Вербицкая. – М.; Тула: Гриф и К, 2009. – 296 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.
6. Кичигин, В.П. Народная культура юга России. Опыт систематизации этнофольклорного материала Белгородской области [Текст] / В.П. Кичигин. – Белгород: Белгородская областная типография, 2000. – 408 с.
7. Жиров, М.С. Народная художественная культура Белгородчины [Текст] / М.С. Жиров. – Белгород: Белгородская областная типография, 2000. – 267 с.
8. Жиров, М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры [Текст] / М.С. Жиров. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 312 с.
9. Чичеров, В.И. Русское народное творчество [Текст] / В.И. Чичеров. – М.: МГУ, 1959. – 524 с.
10. Русские частушки [Текст] / сост. Н.И. Рождественская, С.С. Жислина. – М.: Художественная литература, 1956. – 496 с.
11. Частушки [Текст] // Библиотека русского фольклора. Т. 9 / сост. Ф.М. Селиванов. – М.: Советская Россия, 1990. – 656 с.
12. Декрет ВЦИК от 18 декабря 1917 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/28231> (дата обращения: 15.09.2018).
13. Беловинский, Л.В. Повседневная жизнь человека советской эпохи [Текст] / Л.В. Беловинский. – М.: Академический проект; Триста, 2017. – 704 с.
14. Сталинец. – 8 марта 1934. – № 37(105).
15. Сталинец. – 3 декабря 1933. – № 61.
16. Ананьев, А.В. Деревня колхозная [Текст] / А.В. Ананьев. – Новосибирск: Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1935. – 114 с.